

КЭТРИН ФИШЕР

САПФИК

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ф 68

Catherine Fisher
SAPPHIQUE
Copyright © 2008 by Catherine Fisher
All rights reserved

Перевод с английского Аллы Ахмеровой

Оформление обложки Виктории Манацковой

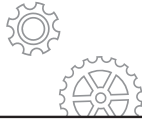
ISBN 978-5-389-16086-6

© А. И. Ахмерова, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

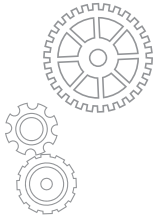
Любовь, что движет солнце и светила¹.

Данте Алигьери

¹ Данте А. Божественная комедия. Перевод М. Лозинского.

ЦАРОДЕЙСКОЕ
ИСКУССТВО

1

Сам не свой стал Сапфик после Падения. Повредился разум его.

В пучину отчаяния погрузился он, в недра Тюрьмы.

В Туннелях Безумия скрылся он. Мест темных искал он, людей опасных.

ЛЕГЕНДА О САПФИКЕ

Прислонись к одной стене, и без труда дотянешься до противоположной — таким узким был проулок. Аттия ждала в полумраке, старательно прислушиваясь. На блестящей кирпичной кладке сгущался пар ее дыхания, отражались всполохи огней, горевших за углом.

Крики приближались. Аттия легко узнала рев взбодораженной толпы — взрывы смеха, восторженные вопли. Свист и топот. Аплодисменты.

Аттия слизнула с губ каплю конденсата, прочувствовав ее солоновато-пыльный вкус. Толпы бояться нельзя. Слишком далеко она зашла, слишком долго искала, чтобы сейчас поджимать хвост. На страхе и неуверенности далеко не уедешь. Особенно если решила выбраться Наружу. Аттия выпрямилась, прокралась в конец проулка и выглянула из-за угла.

На маленькой, озаренной факелами площади теснились сотни людей. Они стояли спиной к Аттии и жались друг к другу, воняя потом и немытыми телами. Чуть поодаль от толпы несколько старух вытягивали шеи, силясь увидеть действие. В неосвещенных участках притаились получеловеки. Мальчишки взбирались друг другу на плечи и на крыши домов-разва-

люх. В пестрых шатрах торговали горячей снедью. От острого запаха лука и шипения жира у Аттии заурчало в желудке.

Тюрьма тоже заинтересовалась. Над головой у Аттии, под стрехами из грязной соломы за действием с любопытством следило маленькое красное Око.

Под восторженные вопли толпы Аттия расправила плечи и вышла из-за угла. Псы дрались за объедки. Аттия обогнула их и темную подворотню. Почувствовав за спиной чье-то присутствие, Аттия обернулась и мгновенно вытащила нож:

— Даже не думай!

Карманник отступил. Тощий, грязный, почти беззубый, он ухмыльнулся и растопырил пальцы:

— Не вопрос, куколка! Ошибочка вышла. — Карманник шмыгнул в толпу.

— Ага, чуть не вышла, — буркнула Аттия, спрятала нож в ножны и устремилась за ним.

Сквозь толпу она пробиравалась с трудом. Люди плотно прижимались друг к другу, стремясь увидеть происходящее впереди, стонали, смеялись, в один голос охали и ахали. Малыши в лохмотьях путались у всех под ногами, не обращая внимания на давку и пинки. Аттия толкалась и ругалась, просачивалась в малейшие просветы, ныряла под локтями. У миниатюрности свои плюсы. А ей нужно пробраться вперед, нужно увидеть его.

Запыхавшаяся, покрытая синяками, Аттия протиснулась меж двумя здоровяками и оказалась впереди. Всюду трещали факелы, едкий дым резал глаза. Прямо перед Аттией была огороженная канатами арена, где один-единешенек сидел медведь.

Аттия изумленно уставилась на него. Черную шкуру зверя покрывала короста, маленькие глазки горели дикой злобой. На шее гремела цепь, другой конец ко-

торой держал укротитель, лысый усач с лоснящейся от пота кожей. Усач ритмично бил в висящий на боку барабан и дергал цепь.

Медведь медленно поднялся на задние лапы и пустился в пляс. Выше человеческого роста, он неуклюже кружил, из пасти капала слюна, цепь оставляла на шкуре кровавые следы.

Аттия нахмурилась. Каково медведю, она знала прекрасно. Аттия коснулась собственной шеи — синяки и волдыри от рабского ошейника, который она когда-то носила, превратились в едва различимые отметины.

Подобно этому медведю, Аттия была цепной рабыней. Если бы не Финн, она и осталась бы ею. Или погибла, что куда вероятнее.

Финн...

Это имя само по себе шрам: причиняющая боль память о предательстве.

Барабанный бой усилился. Медведь тяжело запрыгал, натягивая цепь, и толпа откликнулась одобрительным воплем. Аттия хмуро наблюдала за ним, а потом за огороженной ареной увидела афишу, прилепленную к влажной стене. Такие же афиши висели в деревне на каждом шагу.

Дранный отсыревший листок загибался по углам, крикливо зазывая:

ЛЮДИ ДОБРЫЕ! НАРОД ЧЕСТНОЙ!
СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ ДИВО ДИВНОЕ!
ЧУДО ЧУДНОЕ!
ПОТЕРЯННЫХ НАЙДЕННЫМИ!
УМЕРШИХ ОЖИВШИМИ!!
СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ
ВЕЛИЧАЙШЕГО ЧАРОДЕЯ ИНКАРЦЕРОНА
В ДРАКОНЬЕЙ ПЕРЧАТКЕ САПФИКА!
СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ ТЕМНОГО ЧАРОДЕЯ!

Аттия раздосадованно покачала головой. После двухмесячных скитаний по коридорам и заброшенным Крыльям, по городам и деревням, по болотистым равнинам и лабиринтам белых камер, после двухмесячных поисков сапиента, клеткорожденного — кого угодно, кому известно хоть что-нибудь о Сапфике, она попала на убогое представление в подворотне.

Зрители хлопали и топали. Аттию оттолкнули в сторону. Когда она снова пробилась вперед, медведь повернулся к укротителю. Тот явно испугался — тыкал зверя длинным шестом, пытаясь усадить и уволочь с арены. Зрители свистели и улюлюкали.

— В следующий раз сам с ним пляши! — презрительно выкрикнул какой-то мужчина.

Стоявшая рядом женщина захихикала.

В глубине толпы нарастал гневный ропот: недовольные зрители требовали продолжения — новых, интересных номеров.

Раздались жидкие аплодисменты, но их быстро поглотила тишина.

На озаренной факелами арене возникла фигура. Она появилась из ниоткуда, материализовалась из теней и бликов пламени. Высокий, в черном плаще, подсвеченном сотнями искр, незнакомец поднял руки и широко развел их в стороны. Ворот плаща закрывал большую часть шеи; из-за длинных темных волос он казался молодым, особенно в полумраке.

Толпа онемела.

Он же вылитый Сапфик!

Каждый знает, как выглядел Сапфик. Его изображений тысячи — и рисованных, и вытесанных, да еще устные описания. Крылатый и Девятипалый. Единственный, кто смог выбраться из Тюрьмы. Так же как Финн, Сапфик обещал вернуться. Аттия нервно сглотнула. Она стиснула кулаки, унимая дрожь.

— Добро пожаловать на арену чудес, друзья мои! — заговорил чародей так тихо, что приходилось вслушиваться. — Думаете, что увидите фокусы? Думаете, я стану дурачить вас спрятанными механизмами, зеркалами и лживыми картами? О нет! Я не такой, как другие фокусники. Я Темный Чародей, я покажу вам истинную магию. Я покажу вам магию звезд.

Чародей поднял правую руку, и зрители ахнули: на ней потрескивала и искрила белым перчатка из темной материи. Факелы на стенах вокруг арены на миг вспыхнули и тут же едва не погасли. Стоящая рядом с Аттией женщина застонала от ужаса.

Аттия невозмутимо продолжала наблюдать: она-то в экстаз не впадет. Как у него получилось с факелами? Неужели это и правда Перчатка Сапфика? Неужели она уцелела и сохранила свою волшебную силу? Однако чем больше девушка видела, тем меньше сомнений у нее оставалось.

Представление было потрясающим.

Чародей заморозил публику. Он заставлял предметы появляться и исчезать, из пустоты выхватывал голубей и «жуков», погрузил одну из зрительниц в сон, а потом — без всякой поддержки — медленно поднял ее в дымный воздух. Он выпустил бабочек изо рта перепуганного ребенка. Он наколдовал золотые монеты и швырнул их в хваткие руки отчаявшихся. Он открыл дверь прямо в воздухе и ушел сквозь нее. Публика завывала, заскулила, умоляя вернуться, и он вернулся — появившись за спинами толпы и спокойно прошеествовав сквозь беснующихся зевак. Сбитые с толку, зрители шарахались от чародея, словно боясь его прикосновения.

Когда чародей прошел мимо Аттии, его плащ скользнул по руке девушки. У Аттии зашипило кожу, волоски стали дыбом от статического электричества. Чародей перехватил ее взгляд.

— Исцели моего сына, о Мудрый! Исцели его! — закричала какая-то женщина, высоко подняла младенца, и он поплыл над головами зрителей: его передавали от одного к другому.

Чародей повернулся к той женщине и поднял руку.

— Не сейчас, — объявил он не терпящим возражений тоном. — Сейчас мне нужно собрать всю свою силу. Чтобы читать мысли. Чтобы войти в мир мертвых и вернуться к живым. — Чародей закрыл глаза.

Свет факелов стал еще слабее.

— Здесь столько боли, — прошептал чародей с темной арены. — Столько страха... — Он снова взглянул на зрителей. Казалось, колдун неожиданно осознал их число и испугался своей затее. — Мне нужны трое добровольцев, — тихо проговорил он. — Трое, готовых признаться в своих величайших страхах. Трое, готовых раскрыть мне душу.

Несколько человек подняли руки. «Я! Я!» — закричали женщины. После секундного колебания Аттия тоже подняла руку.

Чародей шагнул к зрителям.

— Ты! — показал он на женщину, и ее, разгоряченную, спотыкающуюся, вытолкнули вперед.

— Ты! — показал чародей, и вперед вытолкнули высокого мужчину, который даже не поднимал руку. Тот выругался и замер в неловкой позе, словно парализованный страхом.

Неумолимый взгляд чародея прочесывал толпу. Аттия затаила дыхание. Вот задумчивый взгляд скользнул по ее лицу, и Аттия почувствовала жар. Взгляд последовал дальше, потом вернулся к ней. Одну страшную секунду Аттия смотрела прямо в горящие глаза чародея. Он медленно поднял руку, ткнул в нее средним пальцем, и зрители загудели, ведь каждый увидел, что указательного пальца у чародея нет. Как у Сапфика.

— Ты! — шепнул колдун.

От ужаса бешено заколотилось сердце, и Агтия сделала вдох, чтобы успокоиться. Нужно заставить себя протиснуться на задымленную арену, но еще нужнее при этом сохранять спокойствие и не показывать страх. Не показывать свое отличие от других зрителей.

Трое избранных чародеем встали в ряд, и Агтия почувствовала, как женщина вся дрожит от волнения. Чародей шагал по арене, всматриваясь в их лица. Агтия дерзко перехватила его взгляд. Чародею не узнать, что у нее на уме, — в этом она не сомневалась. Она видела и слышала такое, что он представить не в силах. Она видела Внешний Мир.

Чародей взял женщину за руку и секунду спустя чуть слышно проговорил:

— Ты тоскуешь по нему.

В глазах у женщины отразилось изумление. К морщинистому лбу прилипла прядь волос.

— О да, господин, тоскую!

— Не бойся, — улыбнулся чародей. — В Инкарцероне он обрел мир и покой. Тюрьма хранит его в памяти. Белые камеры в целости берегут его тело.

Рыдая от радости, женщина целовала ему руки:

— Спасибо, господин! Спасибо за добрые вести!

Толпа одобрительно загудела, и Агтия позволила себе саркастическую улыбку. Вот глупцы! Неужели не понимают, что так называемый маг не сообщил женщине ровным счетом ничего? Сплошные догадки да пустые слова, а эти доверчивые души с удовольствием проглотили наживку.

Жертв чародей явно отбирал тщательно. Высокий мужчина был так напуган, что согласился бы с чем угодно. Чародей спросил, как его хворающая мать, и мужчина пролепетал, что ей уже лучше. Публика зааплодировала.

— И быть посему! — Чародей махнул изувеченной рукой, призывая к тишине. — Предсказываю, что с Включением Дня ее жар спадет. Твоя мать сможет сесть и призовет тебя, друг мой. И проживет она еще десять лет. И будет держать на коленях внуков, детей твоих!

Высокий мужчина не мог вымолвить ни слова. Аттия с отвращением увидела, что в глазах у него стоят слезы.

Зрители зароптали, вероятно впечатленные меньше, чем тот мужчина. Чародей направился было к Аттии, но вдруг повернулся к ним.

— Иные из вас думают, что предсказывать будущее просто, — начал он, обратив к толпе молодежью лицо. — «Как определить, прав он или нет?» — гадаете вы. И вы совершенно правы. Но прошлое, дорогие мои, — дело другое. Я расскажу вам о прошлом этой девушки.

Аттия напряглась.

Возможно, чародей почувствовал ее страх, потому что его губы дрогнули в улыбке. Он смотрел на Аттию, и его глаза покрывались поволокой, становясь отрешенными и темными, как ночь. Потом он поднял руку в Перчатке и коснулся лба девушки.

— Я вижу длинную дорогу, — прошептал он. — Вижу бессчетные мили, бессчетные дни скитаний. Вижу тебя сидящей на четвереньках, как зверь. Вижу цепь у тебя на шее.

Аттия нервно слотнула. Хотелось отпрянуть от чародея, но вместо этого она кивнула, и толпа притихла.

Чародей взял Аттию за руку, накрыв ее ладонь своей, тонкой и длиннопалой, обтянутой Перчаткой.

— Странные мысли я вижу у тебя, девушка, странные воспоминания, — удивленно начал он. — Вижу, как ты взбираешься по длинной лестнице, спасаясь от огромного Зверя. Вижу, как ты летишь на серебря-

ном корабле над городами и башнями. Вижу юношу. Зовут его Финн. Он тебя предал. Он бросил тебя, обещал вернуться, но ты боишься, что не дождешься этого. Ты его любишь и ненавидишь. Разве это не правда?

Лицо у Аттии пылало, рука дрожала.

— Правда, — чуть слышно ответила она.

Публика замерла от изумления.

Чародей смотрел ей в душу, как в раскрытую книгу. Аттия почувствовала, что не может отвести глаз. С чародем что-то творилось: во взгляде появилось нечто странное, на плаще — яркие блики. Ладонь, накрывшая пальцы Аттии, стала ледяной.

— Звезды! — прохрипел он. — Я вижу небо в звездах. Под ним золотой дворец с ярко горящими в окнах свечами. Я вижу его в замочную скважину на темной двери. Тот дворец далеко. Очень далеко. Он Снаружи.

Аттия изумленно смотрела на чародея. Его прикосновение причиняло боль, а она и шевельнуться не могла. Голос чародея превратился в шепот.

— Путь Наружу существует. Сапфик его нашел. Замочная скважина крохотная, меньше атома. Орел и лебедь стерегут ее, распластав крылья.

Пора двигаться. Пора разорвать эти чары! Аттия посмотрела в сторону.

Укротитель медведя, семеро жонглеров, плясуньи из труппы обступили арену. Они стояли неподвижно, как простые зрители.

— Господин! — шепотом позвала Аттия.

Чародей захлопал глазами.

— Ты искала сапиента, способного показать тебе путь Наружу, — начал он. — И ты нашла меня. — Чародей повернулся к толпе и заговорил громче. — Дорога, которой шел Сапфик, проходит через Дверь Смерти. Сейчас я помогу этой девице добраться туда и верну ее обратно!

Толпа загудела. Чародей за руку повел Аттию в центр дымной арены, слабо освещенной единственным факелом. Там стоял диванчик. Чародей жестом велел Аттии лечь.

От страха она упала как подкошенная.

В толпе кто-то вскрикнул, но ему тут же велели замолчать. Зрители подались вперед, источая жар и запах пота.

Чародей поднял руку, обтянутую черной перчаткой.

— Смерть, — изрек он. — Мы страшимся ее. Мы бежим от нее без оглядки. Между тем Смерть — это Дверь, открывающаяся в обе стороны. Сейчас вы собственными глазами увидите оживление мертвой.

Диванчик был жесткий, Аттия схватилась за края. Наступал момент, ради которого она сюда пришла.

— Узрите же! — воскликнул чародей. Он повернулся к зрителям, и они застонали, ведь в руке у него, откуда ни возьмись, появился меч. Чародей медленно вытащил его из ножен тьмы, и клинок холодно блеснул голубым. Чародей поднял его, и — вот чудо! — за многие мили от арены, на крыше Тюрьмы сверкнула молния.

Чародей посмотрел вверх, Аттия прищурилась.

Раскаты грома напоминали хохот.

На миг все замерли и обратились в слух. Сейчас Инкарцерон вмешается, сейчас он обрушит небо на землю, парализует их ярким светом и газом.

Но Инкарцерон не вмешался.

— Инкарцерон, отец мой, взирает на меня с одобрением, — изрек чародей и повернулся к Аттии. Свисавшими с диванчика цепями он сковал запястья девушки, для шеи и талии предназначались ремни. — Опасность велика, не вздумай шевельнуться, — предупредил маг, испытующе взглянул на Аттию и повернулся к пуб-

лике. — Так смотрите же! — снова крикнул он. — Я освобожу ее. Я верну ее в наш мир. — Держа обеими руками, он поднял меч, острый конец которого замер над грудью Аттии.

«Нет!» — хотелось крикнуть девушке, но тело окаменело, взгляд не мог оторваться от сверкающего острья.

Она не успела даже вздохнуть: меч чародея вонзился ей в сердце.

Вот она, смерть. Теплые липкие волны накатывают, как приступы боли. Воздуха нет — дышать нечем, слов нет — говорить нечего. Смерть душит, как ком в горле.

Миг — и смерть обернулась бескрайней чистой синевой, похожей на небо Внешнего Мира. Вот Финн, вот Клодия. Они смотрят на нее, сидя на своих золоченых тронах.

«Я не забыл тебя, Аттия, — сказал Финн. — Я приду за тобой». В ответ Аттия выдавила лишь одно слово, которое сразило Финна наповал: «Обманщик».

Аттия открыла глаза. Еще мгновение, и к ней вернулся слух. Он примчался откуда-то издалека, принес с собой ликующий рев толпы. Потом слетели путы, и чародей помог ей подняться. Кровь на одежде сохла и исчезала на глазах, меч в руках чародея был чист. Аттия поняла, что может стоять. Девушка вдохнула полной грудью, и зрение сфокусировалось. Тогда она увидела зрителей повсюду: на крышах, в окнах, на навесах... Аплодисменты и восторженные вопли лились нескончаемым потоком.

Темный Чародей схватил Аттию за руку и заставил поклониться вместе с ним. Затянутой в перчатку рукой он высоко поднял меч, а плясуньи и жонглеры скользнули на арену, чтобы собрать падающие, как звезды, монетки.

Представление закончилось. Толпа хлынула прочь, а Аттия так и стояла в углу квадратной арены, обхватив себя руками. Грудь побаливала. У двери, за которой скрылся чародей, собирались женщины с хворыми детьми.

Аттия медленно выдохнула. Она казалась себе полуживой дурочкой, которая оглохла и онемела от сильного взрыва.

Быстро, пока никто не заметил, Аттия шмыгнула под навес, пробралась мимо медвежьей ямы и убогого лагеря жонглеров. Один из них увидел девушку, но остался сидеть у костра, на котором жарились мясные обрезки.

Аттия скользнула за дверь под свесом крыши.

В комнате было темно. Чародей сидел у заляпанного зеркала при свете одинокой оплывшей свечи. Вот он поднял голову и увидел в зеркале ее.

Маг уже снял черный парик, разжал «отрубленный» палец, стер грим, молодивший морщинистое лицо, и швырнул драный плащ на пол.

Положив локти на стол, он расплылся в беззубой улыбке.

— Чудесно сыграно, дорогуша! — похвалил он.

— Я же говорила, что справлюсь, — кивнула Аттия.

— Теперь ты меня убедила. Если планы не изменились, работенка твоя. — Чародей сунул в рот комок кета и давай жевать.

Аттия огляделась по сторонам. Где же Перчатка?

— Нет, планы не изменились, — проговорила она.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чародейское искусство	7
Юноша в желтой мантии	89
Разрушены, как Луна	177
Каким ключом отпираются сердца?	259
Крылатый	341

Фишер К.

Ф 68 Сапфик : роман / Кэтрин Фишер ; пер. с англ. А. Ахмеровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-389-16086-6

Узнику Финну удалось вырваться из Инкарцерона, совершеннейшей из тюрем, встретиться со своей нареченной Клодией и предъявить права на трон королевства Хаваарн, ведь он не кто иной, как пропавший много лет назад принц Джайлз. Однако коварная королева Сиа не собирается уступать власть без боя: у нее есть свой кандидат на престол, выдающий себя за принца самозванец, вполне способный бросить Финну вызов. А главное, в глубинах тюрьмы у Финна остались друзья, которым он обещал свою помощь. Единственный оставшийся у Финна и Клодии союзник, сапиент Джаред, кажется, готов предать их ради обещанного королевой исцеления от терзающей его смертельной болезни. А сам Инкарцерон лелеет ту же мечту, что и тысячи его узников: обрести материальное тело и вырваться Наружу, во внешний Мир, абсолютно не задумываясь о том, к каким последствиям это приведет...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КЭТРИН ФИШЕР

САПФИК

Ответственный редактор Геннадий Корчагин

Редактор Аркадий Рух

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Маргарита Ахметова, Наталья Бобкова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.05.2019. Формат издания 84 × 108¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 21,84.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –

обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

H-ZYA-24507-01-R